

Сидоренко Мария Васильевна

**ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕДУАЛЬНОГО ПРАВА**

Специальность: 12.00.09 – Уголовный процесс

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Краснодар – 2017

Диссертация выполнена на кафедре уголовного процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»

- Научный консультант:** доктор юридических наук, профессор
Семенов Владимир Александрович
- Официальные оппоненты:** **Даровских Светлана Михайловна**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Дикарев Илья Степанович,
доктор юридических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», директор Института права,
Потапов Василий Джонович,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»,
директор Юридического института
- Ведущая организация:** ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений» (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Защита состоится 18 ноября 2017 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.101.18, созданного на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350000, г. Краснодар, ул. Рахпилевская, д. 43, зал заседаний совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»: www.kubsu.ru.

Автореферат разослан «___» июля 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.101.18
кандидат юридических наук,
доцент

Максим Викторович Феоктистов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Последние четверть века векторы функционирования и развития российского права, правотворческих и правоприменительных органов государства предопределяются принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ), возрастающей интеграции России в международное правовое пространство, реализацией основных этапов судебно-правовой реформы 1991 г. и концепцией дальнейшего развития судебной системы. За истекший период проделана масштабная работа по приведению российского уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в соответствие с Конституцией РФ и актами международно-правового характера, с имплементированными в национальную правовую систему общепризнанными принципами и нормами международного права. Сегодня личность, гражданское общество и государство все более осознают ценность и практический смысл фундаментальной идеи верховенства права как основы не только поступательного развития, но и действительно оптимального функционирования важнейших государственных органов и личности, подлинно равной в правовом отношении с государством.

Одним из основных элементов принципа верховенства права и главным средством его функционирования является правовая определенность, которая все чаще характеризуется российским законодателем и в доктрине в качестве идеи общеправового, универсального характера, в той или иной форме проявляющей себя в каждой отрасли российского права, в том числе уголовно-процессуального. Более того, в силу специфики предмета правового регулирования последнего, субъектов и объекта его отношений, принудительной сущности основных юридических актов и их следствий для личности налицо потребность в исходной определенности как в сути властных нормативных велений, так и в актах их реализации. Только диалектическое взаимодействие определенности уголовно-процессуального закона и определенности практи-

ки его применения (динамики права) в состоянии обеспечить как высокое социально-нормативное назначение этой отрасли государственной деятельности, так и реальный баланс прав и правовых состояний в соотношении «личность – государство».

В настоящее время правовая определенность как мировоззренческая идея пока не нашла должного рассмотрения в рамках ни общей теории права, ни сферы действия уголовно-процессуального права. Правовая доктрина едина лишь в том, что правовая определенность становится все более значимым фактором текущего и перспективного правотворческого и правоприменительного процесса. На этом единство суждений заканчивается, ибо видовая принадлежность правовой определенности, ее суть и особенно нормативное содержание в большинстве своем трактуются с различных позиций. Не каждый исследователь или субъект применения права в состоянии также привести в пример нормативные акты, в которых в части или исчерпывающе закреплены нормативное содержание правовой определенности или основные ее элементы.

В юридической литературе выделяются три основных направления в понимании этой категории. Одни ученые не воспринимают правовую определенность как самостоятельный принцип российского права, считая, что она не носит самостоятельного характера, что ее нельзя рассматривать и в качестве принципа, входящего в содержание общей идеи верховенства права. Вторые, признавая фундаментальность категории «правовая определенность», характеризуют лишь отдельные содержательные ее элементы. Третьи все ее содержание сводят к свойствам принципа *res judicata*, отмечая полное тождество этих принципов как в правотворческой, так и в правоприменительной (в том числе уголовно-процессуальной) сфере.

Между тем нормативное содержание правовой определенности должно трактоваться значительно шире, так как оно охватывает не только элементы стабильности текущего нормативного регулирования или суть принципа *res judicata*, но и ясность, непротиворечивость системы права в целом, стабиль-

ность судебной практики, единство воли закона и правосознания публичных участников правовых отношений, их установок. Лишь при подобном подходе правовая определенность может обеспечить свое исходное нормативное назначение – состояние правовой стабильности личности, гражданского общества, правового государства.

Таким образом, налицо настоятельная потребность в уяснении сути и социально-нормативного значения правовой определенности для статичности и динамики российского уголовно-процессуального права. Столь же актуальна потребность в достоверном определении основных элементов ее содержания, исследовании их роли в общем механизме правового регулирования и практической деятельности, именуемой уголовным судопроизводством России. Для формирования и реального обеспечения искомого состояния правовой определенности в Российском государстве и обществе значим также комплексный анализ основных причин и условий, в силу которых нередко нивелируется нормативная ценность права как наиболее действенного регулятора общественных отношений.

Все изложенное и обусловило выбор предмета и направлений исследования, позволило сформировать его непосредственные задачи и необходимые средства.

Степень разработанности темы исследования. При установлении видовой принадлежности правовой определенности соискатель обращался к работам таких ученых, как В.И. Анишина, Н.С. Бондарь, Я.М. Винокурова, А.Г. Гаджиев, И.М. Евлоев, Т.Н. Назаренко, Т.Н. Нештаева, А.П. Фоков, поскольку именно эти авторы заложили методологические основы ее понимания как принципа универсального, общеправового, фундаментального. Нормативное содержание и основные элементы данного принципа позволил выявить анализ позиций Т.М. Алексеевой, А.Т. Боннер, М.Н. Дмитриева, О.О. Журавлевой, С.В. Зайцева, А.Ю. Котова, С.В. Луцаева, Р. Массаладжиу, И.А. Покровского, М.В. Преснякова, И.В. Рехтиной, А.Р. Султанова, О.О. Сухаревой, Я.М. Шабалиной и др. При этом, естественно, учитывались

либо конституционные векторы большинства их исследований, либо преимущественные характеристики содержания исследуемой категории с позиций гражданского и гражданского процессуального права.

Относительно предмета уголовно-процессуального права России сущность и элементы категории «правовая определенность» анализировались в контексте либо пробельности и коллизии отдельных правовых предписаний действующего УПК РФ (М.Т. Аширбекова, Ю.Ю. Берестнев, М.В. Виноградов, О.В. Гладышева, О.А. Зайцев, Ю.А. Ляхов, В.А. Семенов, С.Н. Хорунжий, Л. Миннегалиева и др.), либо содержания принципа *res judicata* – как правовой определенности окончательных актов суда. Здесь особо выделяются монографические исследования М.В. Мерзляковой (2008 г.), В.А. Давыдова (2011 г.), И.С. Дикарева (2015 г.), Т.М. Алексеевой (2015 г.), Т.Г. Бородиновой (2016 г.).

Значимыми для предмета и целей работы послужили позиции А.А. Зорина, Н.Н. Ковтуна, А.Д. Шунаева, достаточно комплексно характеризующих нормативное содержание правовой определенности применительно к современному уголовно-процессуальному праву России.

Анализ определенности системы источников российского уголовно-процессуального права потребовал обращения к работам таких авторов, как В.П. Божьев, А.В. Гриненко, Н.В. Ильютченко, К.Б. Калиновский, С.И. Коновалов, В.И. Кононенко, П.А. Лупинская, Н.С. Манова, А.Д. Прошляков, С.Б. Россинский, А.В. Смирнов, Н.Г. Стойко, Т.В. Трубникова, И.Р. Харченко, Ю.К. Якимович, Л.В. Яковлева и др. Проблемы же иерархии форм выражения российского уголовно-процессуального права (коллизий их конкуренции) обусловили необходимость изучить позиции А.В. Безрукова, С.В. Бошно, Я.В. Гайворонской, К.Ф. Гуценко, Г.М. Даниленко, А.В. Малько, В.Т. Томина и др.

Акты конституционного правосудия как весомый фактор определенности современного уголовно-процессуального права России исследовались с учетом взглядов таких ученых, как Н.В. Батуев, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджи-

ев, В.Д. Зорькин, В.О. Елеонский, Д.В. Карпов, В.В. Лазарев, Л.В. Лазарев, Н.М. Марченко, Т.Г. Морщакова, В.А. Савицкий, С.В. Поленина, О.В. Романова, Б.А. Страшун, Е.Ю. Терюкова, Б.Н. Топорнин, А.А. Малюшин, М.А. Митюков, Б.С. Эбзеев, Т.А. Хабриева. Основным контекстом этого анализа – исходная определенность юридической сущности исследуемых актов, их роль и назначение в российском правовом регулировании, определенность правовых позиций и итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия по одному и тому же предмету проверки.

При анализе правовой определенности актов Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, ЕСПЧ) применительно к системе российского уголовно-процессуального права использовались итоги известной дискуссии о соотношении этих актов с нормами Конституции РФ. Предметом анализа здесь послужили правовые позиции участников дискуссии (В.Д. Зорькин, С.П. Маврин, С.Л. Сергеев, А.Н. Верещагин, В.А. Виноградов, Т.А. Хабриева, Г.М. Резник, Е.А. Лукьянова, А.К. Соболева, С.А. Пашин, В.В. Лапаева), а также законодательные новации относительно правил «имплементации» актов ЕСПЧ в сферу действия российского уголовно-процессуального права.

Потребность в уяснении определенности официальных актов толкования российского уголовно-процессуального права и судебных прецедентов как образцов применения права обусловила включение в предмет исследования работ таких ученых, как С.С. Алексеев, Л.Б. Алексеева, К.С. Аристова, М.И. Байтин, С.М. Даровских, В.В. Демидов, В.М. Жуйков, А.В. Кудрявцева, В.М. Лебедев, М.Н. Марченко, Т.Г. Морщакова, В.С. Нерсесянц, Н.В. Радутная, П.С. Элькин, М.С. Строгович и др.

Анализ принципа *res judicata* как концентрированного выражения правовой определенности окончательных актов суда обусловил обращение к монографическим исследованиям Т.М. Алексеевой (2015 г.), В.А. Давыдова (2005 г.), Д.Х. Геховой (2016 г.), И.С. Дикарева (2016 г.), А.С. Омаровой (2015 г.), В.Д. Потапова (2013 г.), а также монографиям, подготовленным ав-

торским коллективом под редакцией Н.А. Колоколова и посвященных основным проблемам реформы контрольно-проверочных производств в российском уголовном процессе: «Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления» (М., 2011 г.) и «Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения» (М., 2015 г.).

Оценка названных источников в контексте заявленной к исследованию тематики показала, что применительно к уголовно-процессуальному праву России категория «правовая определенность» комплексно не изучалась. Неким исключением здесь является диссертационная работа И.С. Дикарева «Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования» (Волгоград, 2016 г.), где анализируется соотношение принципа правовой определенности окончательных актов суда (*res judicata*) и конституционного принципа обеспечения судебной защиты с позиций обновленного кассационного и надзорного производства России (гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ). Эта работа безусловно является вкладом в изучение категории «правовая определенность», однако в принципе не исчерпывает ее содержания, что подтверждает актуальность нашего исследования.

Объектом исследования является система уголовно-процессуальных отношений, обеспечивающих состояние правовой определенности и в целом верховенства права в государстве и обществе как необходимых детерминант формирования и оптимального функционирования подлинно правового государства и гражданского общества.

Предметом исследования выступают: система доктринальных положений о сущности и нормативном содержании категории «правовая определенность» в статике и динамике российского уголовно-процессуального права; система норм уголовно-процессуального права России, выступающих средством обеспечения режима правовой определенности в сфере уголовного судопроизводства; динамика и акты реализации уголовно-процессуальных

отношений, наиболее полно и точно показывающие реальное состояние в нашей стране правовой защищенности личности, общества, государства.

Цель диссертационного исследования – разработка целостной, теоретически согласованной и эмпирически верифицируемой концепции обеспечения режима правовой определенности личности, общества, государства в статике и динамике российского уголовно-процессуального права. Основы этой концепции – система диалектически взаимосвязанных частных теоретических положений о сущности, содержании, назначении и реальной системе элементов категории «правовая определенность» в уголовном судопроизводстве России, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Именно эти элементы, проявляясь в статике и динамике российского уголовно-процессуального права, либо показывают реальное состояние определенности правовых состояний, правовых отношений, актов применения права, либо формируют симулякры указанных состояний и отношений, нивелируя ценность и социально-нормативное назначение права.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих **задач**:

выявить и раскрыть сущность и реальное нормативное содержание категории «правовая определенность», ее взаимосвязь и взаимообусловленность с более общим правовым принципом «верховенство права»;

исследовать взаимосвязь нормативной неопределенности уголовно-процессуального закона и определенности непосредственно динамики права, определенности его итоговых актов, уголовно-процессуальных отношений и правовых состояний;

уяснить значение для определенности статике и динамики российского уголовно-процессуального права таких элементов, как правовая политика, правовая идеология, правосознание, установки субъектов применения уголовно-процессуального права, действующих *ex officio*;

выявить степень сбалансированности иерархической системы источников российского уголовно-процессуального права как необходимого фактора обеспечения его определенности;

раскрыть роль и значение в обеспечении состояния определенности российского уголовно-процессуального права актов конституционного правосудия, в том числе в плане «генезиса» правовых позиций и итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия России относительно сущности и содержания основных норм и институтов российского уголовно-процессуального права;

определить роль и значение в текущем уголовно-процессуальном регулировании такого правового явления, как акты ЕСПЧ;

раскрыть сущность и правовое значение для обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и актов – прецедентов высших судебных инстанций Российской Федерации;

проанализировать сущность и значение для обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права принципа *res judicata*, особенно в контексте его антиномии с конституционной идеей обеспечения судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования послужил диалектический метод познания, а также общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, системный подход, позволившие объяснить диалектическую связь российского уголовно-процессуального права с такими факторами, как правовая политика, правосознание, установки публичных субъектов применения права. В целях полного и точного раскрытия предмета исследования использовались специально-юридические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, юридической интерпретации, логико-юридический, метод конкретных социологических исследований и др. В результате применения указанной методологии были получены новые знания о связях и закономерностях развития уго-

ловно-процессуального права, тенденциях и перспективах его дальнейшего совершенствования в части правовой определенности содержащихся и перспективных предписаний, направлений исправлений существующих дефектов и др.

Диалектический метод познания позволил определить сущностные характеристики уголовно-процессуального права, категорий «правовая определенность», «правовая неопределенность», «коллизии», «дефекты», «правосознание», «практика» и др. Динамика развития уголовно-процессуального права, изученная на основе диалектического метода, позволила выявить исторические, социальные, экономические и иные позитивные и негативные факторы влияния на содержание уголовно-процессуальных норм, их определенность выражения в законодательстве. В результате стало возможным формирование целостной теоретической модели правовой определенности норм уголовно-процессуального права и выработка на ее основе комплекса предложений по достижению необходимого уровня правовой определенности современного уголовно-процессуального законодательства.

На основании метода абстрагирования развитие уголовно-процессуального права рассмотрено в условиях, при которых степень определенности правовых предписаний имела максимальные значения и достигалась за счет формулирования правовых предписаний в законе. Посредством наложения реальных факторов на эти идеальные условия и с помощью методов анализа и синтеза получена реальная картина, выявлены существующие дефекты уголовно-процессуального законодательства в части определенности правовых предписаний. Сформулированы обобщенные представления о системе источников уголовно-процессуального права, их надлежащей иерархии, месте и роли в данной системе отдельных источников, а также отдельных правовых предписаний.

Анализ позволил рассмотреть детали системы уголовно-процессуального права, его источников, отдельных уголовно-процессуальных норм, наиболее существенные аспекты правоприменения и правосознания, выявить

закономерности их взаимосвязи, отразить степень правовой неопределенности и высказать суждения относительно разрешения теоретических, законодательных, практических проблем.

Синтез как метод научного познания позволил выработать такую основополагающую категорию как «принцип правовой определенности», определить нормативное содержание этого принципа, сформировать представления относительно совокупности факторов, определяющих потребность в правовой определенности уголовно-процессуальных правовых положений, высказать суждения относительно временной и смысловой стабильности нормативного регулирования и основанного на нем процесса реализации правовых предписаний, формальной определенности действующих уголовно-процессуальных норм, включая их ясность и непротиворечивость, решить иные научные задачи.

Системный подход позволил взглянуть на уголовно-процессуальное право, как на широкий, многоаспектный, целостный комплекс взаимосвязанных элементов и рассмотреть их функциональные и структурные связи. При этом системному исследованию подвергались источники уголовно-процессуального права, что позволило высказать суждение о деструктивной роли отдельных из них; правовые нормы; правовая идеология; правовая политика; правосознание субъектов правовых отношений, их установки. Установлено наличие объективных связей всех этих элементов, формы их взаимодействия и векторы влияния на правовую определенность правовых уголовно-процессуальных предписаний.

С использованием историко-правового метода рассмотрена динамика развития уголовно-процессуального права и продемонстрирована историческая преемственность отдельных дефектов уголовно-процессуальных правовых предписаний с точки зрения современных потребностей.

Сравнительно-правовой метод позволил обратиться к исследованию зарубежного законодательства, выделить позитивные и негативные факторы влияния на правовую определенность уголовно-процессуальных предписа-

ний зарубежных государств, пути повышения степени правовой определенности в зарубежных государствах и сформировать собственную позицию относительно преемственности и возможного использования в российских условиях отдельных способов конкретизации правовых предписаний.

Посредством юридической интерпретации уточнены смысл и содержание отдельных уголовно-процессуальных правовых положений, способствующих их правовой определенности и четкости их уяснения правоприменителями, включая, в частности, нормативные правила кассационного, надзорного производства в уголовном судопроизводстве.

Формально-юридический метод позволил описать существующую ситуацию с правовой определенностью в уголовно-процессуальном праве, обобщить возникающие проблемы, подвергнуть их классификации и систематизировать полученные новые знания.

Методом конкретных социологических исследований получен комплекс результатов эмпирических исследований, проведен их анализ, систематизация и обобщение.

Нормативную основу работы составили Конституция РФ, международные правовые акты Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Европы, акты Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, нормы российского уголовно-процессуального законодательства, уголовно-процессуальное законодательство некоторых иностранных государств.

Теоретическая основа исследования – монографические исследования по уголовно-процессуальному праву России и зарубежных стран, общей теории права, конституционному праву, международному праву, иным отраслевым юридическим дисциплинам. Избранный подход к научно-практическому анализу, предмет, методология и методы исследования впервые позволили:

достоверно выявить сущность и нормативное назначение правовой определенности как определяющего элемента принципа верховенства права и

важнейшего условия формирования в Российской Федерации правового государства и гражданского общества;

выявить основные элементы исследуемого принципа в статике и динамике российского уголовно-процессуального права, их диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность в реальном механизме отраслевой правотворческой и правоприменительной деятельности;

осуществить комплексный анализ проблемной ситуации в сфере функционирования российского уголовно-процессуального права, кризисное состояние которого обусловлено не только неясностью отдельных правовых предписаний, но и такими факторами, как правосознание публичных участников правовых отношений, правовая политика, правовая идеология и т. д.;

провести комплексный, телеологически согласованный анализ элементов правовой определенности российского уголовно-процессуального права, что позволило сформировать основы целостной концепции обеспечения состояния правовой определенности в исследуемой области общественных отношений.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили:

результаты анкетирования 275 судей судов областного / краевого звена; 272 сотрудников уголовно-судебных подразделений прокуратур;

255 кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и 75 постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных в 2014–2016 гг. и размещенных на официальном сайте Верховного Суда РФ;

242 кассационных производства по уголовным делам, рассмотренным президиумами областных и краевых судов;

173 материала по кассационным жалобам, представлениям, в отношении которых судьями вынесены решения о возвращении их заявителям без рассмотрения или об отказе в их передаче для рассмотрения в судебном заседании президиумов указанных судов;

статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в Краснодарском и Ставропольском краях, Владимирской, Волгоградской, Ивановской, Курганской, Нижегородской, Новосибирской, Московской, Саратовской, Оренбургской и Рязанской областях, гг. Москва и Санкт-Петербург в период с 2013 по 2016 г.

Изучены также 65 постановлений и решений ЕСПЧ, 72 постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Научная новизна диссертации заключается в том, что это первое комплексное монографическое исследование сущности, назначения и нормативного содержания фундаментальной категории «правовая определенность» применительно к правовым предписаниям, правовым отношениям и итоговым актам российского уголовного судопроизводства. Впервые путем телеологически согласованного теоретического анализа и эмпирической верификации основных элементов содержания правовой определенности в статике и динамике уголовно-процессуального права доказано следующее:

исходная неопределенность (дефект) закона не всегда является закономерным и определяющим фактором коллизионности в динамике его применения, ибо наличествующие дефекты воли закона во многом нивелируются надлежащим правосознанием и опытом публичных участников правовых отношений, не порождая негативных последствий;

определяющим фактором появления и нарастания коллизий в динамике российского уголовно-процессуального права и, как следствие, неопределенного правового состояния субъектов правовых отношений выступают деформированные правосознание, установки публичных субъектов применения норм уголовно-процессуального права, негативные факторы в публичной

правовой и государственной политике, правовой идеологии и соответствующем административном воздействии на правовую систему;

в российском правопонимании и правоприменении отсутствует определенность в осмыслении системы и особенно иерархии норм уголовно-процессуального права; как следствие, на практике коллизии однородных правовых предписаний решаются не на нормативной основе, а на основе актов внеправового характера, что не способствует определенности в указанной сфере правовых отношений, определенности соответствующих актов и правовых состояний;

коллизийным фактором неопределенности российского уголовно-процессуального права являются акты высшего органа конституционного правосудия в силу как изначально неопределенности их юридической сути, так и все более проявляющейся несогласованности их правовых позиций и итоговых выводов по одному и тому же предмету проверки;

акты ЕСПЧ, призванные формировать определенность правовых отношений и состояний, по факту не восприняты системой российского уголовно-процессуального права, не имплементированы в его содержание. Практика применения этих актов носит избирательный, идеологически детерминированный характер, так как ее основной вектор – изначально соответствие официальному политико-идеологическому «курсу»;

правовая определенность как объективное состояние личности, общества, государства требует уважения к сущности и следствиям принципа *res judicata*. Между тем данные суть и следствия фактически нивелированы доминированием в экстраординарных проверочных производствах уголовного судопроизводства России идеи публичной законности, вуалируемой декларациями о необходимости обеспечить реализацию конституционного принципа судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц.

Научная новизна результатов диссертационного исследования нашла отражение в **положениях, выносимых на защиту**.

1. Принцип правовой определенности – самостоятельная, фундаментальная, общеправовая идея мировоззренческого характера. Ее нормативное назначение состоит в формировании и обеспечении оптимального правового состояния (режима) стабильности и безопасности функционирования личности, общества и государства, проявляющегося прежде всего через потребность в стабильности отраслевого нормативного регулирования, стабильности изначально определенного статуса субъектов уголовно-процессуальных отношений, неколлизийности уголовно-процессуального права, ясности и предсказуемости последствий его применения.

2. Нормативное содержание идеи правовой определенности в уголовном судопроизводстве России не может быть сведено ни исключительно к ясности и точности действующих предписаний закона (определенность закона), ни к сути и следствиям принципа *res judicata* (определенность окончательных актов суда). Реально оно проявляется через: а) потребность в стабильном правовом регулировании; б) потребность в определенности динамики права; в) сущность и правовые следствия принципа *res judicata*.

3. Потребность в стабильном правовом регулировании содержательно раскрывается через:

относительную временную и смысловую стабильность текущего нормативного регулирования исследуемой отрасли общественных отношений и основанного на нем процесса реализации правовых предписаний;

формальную определенность (ясность, точность, недвусмысленность, непротиворечивость) действующих уголовно-процессуальных норм;

ясность, непротиворечивость в целом системы уголовно-процессуального права, точное иерархическое построение данной системы, позволяющее однозначно и властно решать негативные коллизии при конкуренции норм однородной или разной юридической силы.

4. Потребность в определенности динамики права актуализируется не только через законные, обоснованные, справедливые акты применения уголовно-процессуального права (индивидуальные нормативные правовые акты

государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс), но и через содержательные элементы таких «спутников» права, как правовая идеология, правовая политика, правосознание субъектов правовых отношений, их установки. Как следствие, формы объективации этой потребности проявляются через:

единообразие в понимании и применении одних и тех же предписаний как судьями судебной системы России, так и иными публичными участниками правовых отношений, единство воли закона и ее отражения в правосознании и установках названных публичных субъектов;

критерии устойчивости, непровержимости, стабильности судебных и иных индивидуальных правовых актов (решений), принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, и соответственно стабильности складывающихся на их основе правоотношений и итоговых правовых состояний.

5. Сущность и правовые следствия принципа *res judicata* проявляются в окончательности и императивности актов суда, вступивших в законную силу; их непоколебимости и исполнимости; в потребности субъектов уголовно-процессуальных отношений предвидеть последствия своих актов, быть уверенными в постоянстве своего окончательно признанного судом статуса, изменение которого допустимо лишь при наличии к тому экстраординарных правовых оснований, ставящих под сомнение саму суть и назначение права.

6. Неопределенность закона не есть тождество и условие неопределенности права; верховенство закона не есть тождество определенности права. Исходная неясность, неполнота (иные дефекты) действующих правовых предписаний – не всегда фактор неопределенности российского уголовно-процессуального права, так как отдельные дефекты закона закономерно нивелируются правосознанием и опытом публичных участников уголовного судопроизводства. В методологическом и практическом плане следует анализировать именно состояние неопределенности права, проявляемое через коллизии в динамике уголовно-процессуальных отношений, актов и правовых состояний. Реальные факторы этой неопределенности лежат не только в ис-

ходных дефектах воли закона, но и в правосознании, установках участников уголовного процесса, в правовой политике, правовой идеологии и т. д.

7. Система источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права свидетельствует о состоянии неопределенности как самой этой системы, так и отдельных ее элементов. Обуславливает это коллизионное состояние неопределенность:

сути, содержания и роли в правовом регулировании общепризнанных принципов и норм международного права, их реального «места» в иерархии источников российского уголовно-процессуального права, средств их регулирующего воздействия на динамику этой отрасли права;

в ответе на вопрос о месте в национальном правовом регулировании Конституции РФ. Данная проблема связана с дискуссией о том, что Конституция РФ либо «возглавляет» систему национальных источников права и соответственно не является доминантой для ратифицированных актов международно-правового характера (конвенции, договоры, акты ЕСПЧ), либо изначально находится над внутренней системой источников правового характера, что разрешает соответствующие коллизии в их иерархии и доминировании, однако порождает вопросы о методе и средствах правового воздействия норм Основного закона на внутреннюю систему национального права;

иерархического «места» и роли актов ЕСПЧ в системе источников российского уголовно-процессуального права – как доминанты в текущем правовом регулировании исследуемых отраслевых отношений или источника, обладающего юридической силой акта, которым они ратифицируются, т. е. федерального закона;

правил конкуренции норм единого кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ) и норм иных федеральных законов, также содержащих «уголовно-процессуальные» нормы;

«места» актов национального конституционного правосудия в правовом регулировании, которое нормативно не установлено в принципе. Являясь нормами «живого конституционного права», эти акты либо располагаются на

одной «горизонтальной» с Конституцией РФ и также являются доминантой в текущем правовом регулировании, либо образуют особую группу источников, стоящих над нормами российского уголовно-процессуального права. Однако при этом возникают вопросы об их взаимодействии с Конституцией РФ и с «внутренней» системой уголовно-процессуальных источников;

роли в правовом регулировании актов толкования Пленума Верховного Суда РФ, а также судебных precedентов высших судебных инстанций России как императивных норм – эталонов применения права для коллизионных правовых отношений.

8. Анализ актов Конституционного Суда РФ и норм российского уголовно-процессуального права дает основания для вывода об исходной проблемности в определении юридической сути указанных актов, их роли в отраслевом правовом регулировании. Автор приводит дополнительные аргументы в пользу того, что эти акты есть особая форма нормативных правовых предписаний. Вместе с тем нет оснований для констатации, что данные акты должны быть восприняты как «живые конституционные нормы». *Во-первых*, формирование указанных норм носит личностный характер. *Во-вторых*, известно, что содержание правовых позиций высшего органа конституционного правосудия есть результат субъективного акта познания норм Конституции; как следствие, нет гарантий, что при иных исходных условиях и иным субъектом познания данные нормы не будут познаны принципиально иначе, покажут иное «свое» содержание. *В-третьих*, нет оснований к тому, чтобы эти субъективные смыслы познания доминировали над иными формами выражения российского права. *В-четвертых*, существует потребность в исходной определенности легитимного предмета конституционной проверки «нарабатываемого» конституционного правосудия. *В-пятых*, лишены легитимной основы публичные заявления об императивной силе указанных норм для иных ветвей государственной власти.

9. Анализ эмпирической составляющей конституционного правосудия показывает, что в ряде случаев итоговые акты Конституционного Суда РФ по

одному и тому же предмету проверки не согласуются между собой. Они же вступают в противоречие с фундаментальными правилами толкования, выраженными в формулах *Plain Meaning Rule* – суды не должны изменять суть закона под видом его интерпретации, *The Mischief Rule* – смысл толкования Закона состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации, *The Golden Rule* – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности принять абсурдное решение.

Как следствие, сущность правовой определенности вызывает потребность в формировании легального механизма, призванного, *во-первых*, проверять истинность актов Конституционного Суда РФ (предмет – их соответствие Конституции РФ); *во-вторых*, устранять коллизионность итоговых актов этого органа в системе уголовно-процессуального права.

10. Устранены из системы средств обеспечения режима правовой определенности и акты ЕСПЧ. Публичные субъекты применения права и так выборочно обращаются к нормативным предписаниям этих актов в российском уголовно-процессуальном праве, но сюда «добавляются» еще векторы официальной политики, кардинально изменяющей акценты при решении вопроса о ценности и нормативном значении исследуемых средств правового регулирования для национальной системы.

Нормативная ценность актов ЕСПЧ поставлена в зависимость от их оценки (на предмет «конституционности») Конституционного Суда РФ, который по своему усмотрению определяет, насколько правовые позиции органа наднационального правосудия соответствуют нормам Конституции РФ или правовым позициям самого Конституционного Суда. В результате налично конфликт между толкованием норм российского права высшим органом конституционного правосудия России и толкованием норм Европейской конвенции Европейским Судом. Причем в этом споре все более проявляются факторы не столько правового характера, сколько публичной политики и идеологии. В силу этого фактор субъективной избирательности «выбора»

правоприменителями актов ЕСПЧ приобретает определяющую роль, нивелируя значение этих актов в российском уголовно-процессуальном регулировании. Выход из этой коллизии состоит либо в безусловном следовании национальными субъектами применения права правилу *«pacta sunt servanda»*, либо в официальной денонсации Российской Федерацией своих обязательств, связанных с ратификацией Европейской конвенции.

11. Определяя судебное толкование в качестве важного фактора обеспечения состояния правовой определенности как в правовых отношениях, так и в целом в государстве и обществе, автор исходит из того, что постановления Пленума Верховного Суда РФ являются нормативными актами официального толкования не только практики, но и закона, т. е. фактически – источниками российского уголовно-процессуального права. Иначе говоря, акты Верховного Суда РФ суть нормативные прецеденты – источники российского права.

Нормативной основой для такого вывода выступают ст. 126 Конституции РФ, ст. 19 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», п. 1 ч. 7 ст. 2 ФКЗ от 5 февраля 2014 г. «О Верховном Суде Российской Федерации», ч. 1 ст. 9 ФКЗ от 7 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», где установлено, что Верховный Суд РФ не только изучает и обобщает судебную практику, но и в целях обеспечения ее единства дает судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства.

Фактическая основа вывода – социально детерминированная потребность в оптимальном правовом регулировании, согласно которой при выявлении пробелов или несогласованности предписаний закона, несоответствия их высшему конституционному акту судебная власть не только вправе, но и обязана предпринимать необходимые меры для разрешения коллизии, обеспечения конституционного назначения правосудия. Как следствие, акты судебного толкования и судебные прецеденты есть проявления эффективного

отправления властных и востребованных обществом полномочий судебной власти.

12. Практическая сторона судебного толкования – возникновение фактов исходной неопределенности в однородных правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ; Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ; Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и актов ЕСПЧ; Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, актов ЕСПЧ и непосредственно прецедентов – эталонов применения права; судебных прецедентов одной и той же судебной инстанции по одному и тому же предмету.

Отсутствие единства в судебном толковании нивелирует не только состояние правовой определенности в государстве и обществе, но и суть и назначение права как регулятора; является скрытым коррупциогенным фактором; формирует нигилистическое отношение к праву. Налицо потребность в формировании такого порядка, когда единство правовых позиций по одному и тому же вопросу будет обеспечиваться совместными актами высших судебных инстанций; единство судебного прецедента – официальными актами (обзорами) Президиума Верховного Суда РФ. Изменение нормативных подходов к сути коллизионной нормы или к практике ее применения – легальное основание для потенциального пересмотра итоговых актов суда по воле заинтересованных лиц (гл. 49 УПК РФ).

13. Оценивая *res judicata* как потребность в обеспечении определенности сущности и следствий окончательных актов суда, автор признает пагубность абсолютизации этого принципа в действующей процедуре кассационно-надзорной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ). Кроме того, налицо его антиномия с сущностью конституционного принципа обеспечения судебной защиты прав заинтересованных лиц. Единственно возможным средством разрешения как указанной антиномии, так и задач экстраординарной формы проверки является поддержание подлинного баланса гарантий реализации каждого из этих принципов. Основными элементами данной системы гаран-

тий являются: ограниченный предмет кассационно-надзорной формы проверки; ее пресекательные сроки; процедура предварительного изучения жалобы или представления для выявления реального наличия кассационно-надзорных оснований; особые полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей); правила итогового голосования судей; ревизионное начало проверки; инстанционность; исключительные основания к опровержению сути *res judicata*.

Действуя в диалектическом взаимодействии, эти средства / гарантии призваны обеспечить, с одной стороны, незыблемость сути и следствий *res judicata*, с другой – реализацию задач экстраординарного института судебной защиты в уголовном судопроизводстве России. Очевидно, что доминирование в процессе проверки лишь каких-то одних гарантий при подавлении гарантий-оппонентов приводит либо к объективации этой формы проверки как ординарного средства исправления всех ошибок и нарушений закона, либо к формированию такого порядка, при котором суд не в состоянии исправить даже те нарушения закона, которые искажают смысл правосудия.

14. Анализ практики кассационно-надзорной формы проверки и закономерностей, которые она формирует, показал следующее:

прослеживается тенденция к включению в предмет кассационно-надзорной формы проверки не только законности окончательных актов суда, но и фактической их обоснованности, справедливости. Эти же векторы закреплены в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ, в актах – прецедентах высших судебных инстанций;

в силу «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и последующих новаций (Закон № 518-ФЗ) фактически нивелирована суть пресекательных сроков экстраординарной кассационно-надзорной формы проверки, отмены, изменения окончательных актов суда;

процедуры и итоги предварительного изучения жалобы, представления, имеющие своим назначением выявление существенных, фундаментальных оснований для инициации процесса кассационной или надзорной проверки,

по существу модифицированы в ординарное средство выявления всех возможных нарушений закона, в том числе тех, которые отнесены к фактической стороне проверяемых окончательных актов;

в таком же публичном контексте проявляются полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей) по отмене «отказных» постановлений судьи, предварительно изучавшего жалобу, и административной инициации процесса экстраординарной проверки по существу;

ведомственным правосознанием и установками высших должностных лиц судебной системы преодолен запрет закона на проверку повторных или новых кассационных жалоб, поданных по тем же или иным основаниям, теми же или иными кассаторами в тот же суд кассационной инстанции (ст. 401.17 УПК РФ). В судах кассационной инстанции нарабатывается сугубо инициативная практика их повторного рассмотрения лишь в силу властных решений председателей соответствующих судов;

правосознанием судей и установками высших должностных лиц судебной системы России суть оснований преодоления принципа *res judicata* модифицирована таким образом, что в качестве легальной основы отмены / изменения окончательных актов суда являются любые нарушения закона;

ревизионное начало кассационной или надзорной проверки используется в качестве ординарного средства для выявления любых нарушений закона и инициации отмены, изменения окончательных актов суда в интересах публичной правосудности приговора и единой публичной законности;

в таком же контексте уголовно-процессуальная доктрина обосновывает: потребность в «уточнении» правил голосования в суде кассационной, надзорной инстанции при равенстве голосов судей по вопросу *pro et contra* отмены окончательных актов суда и легальную целесообразность установления в процессуальной форме проверки неоднократности (инстанционности) процесса исправления всех возможных нарушений закона.

15. Аргументируется вывод о нивелировании принципа *res judicata*, его подавлении принципом публичной законности, который по факту лишь ву-

лируется декларациями о примате конституционного принципа обеспечения максимальной судебной защиты.

Считая обеспечение баланса гарантий *res judicata* и конституционного принципа судебной защиты принципиальным для сути и назначения экстраординарной формы проверки, автор обосновывает необходимость внесения системных изменений и дополнений в нормы п. 5 ч. 1 ст. 401.4, ст. 401.8, ст. 401.15, ч. 5 ст. 401.16, ст. 412.5, ст. 412.12 УПК РФ, принятие которых сможет реально обеспечить искомый баланс указанных гарантий.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что сформулированные в ней положения комплексно объясняют сущность, назначение и нормативное содержание принципа правовой определенности российского уголовно-процессуального права. Система обоснованных автором констатаций и предложений позволяет на новом теоретическом уровне объяснить и прогнозировать закономерности функционирования российского уголовно-процессуального права как в целом, так и применительно к судебному контролю его производств.

Примененный автором комплексный подход позволил раскрыть систему взаимосвязей и взаимозависимостей между такими элементами правовой определенности, как определенность закона и определенность права, правосознание участников правовых отношений и коллизии динамики права, правовая политика и правовая идеология как факторы искажения воли закона и соответственно актов объективации динамики права.

Сформированная и обоснованная автором система теоретических выводов и положений может стать основой как для дальнейших исследований категории «правовая определенность» и объективно соответствующего ей правового состояния общества и государства, так и средством оптимизации системы российского уголовно-процессуального права. Причем как в плане реализации основных положений судебно-правовой реформы в Российской Федерации, так и в контексте обеспечения состояния правовой определенности формирующегося правового государства и гражданского общества.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные в нем теоретические положения, практические рекомендации и предложения позволили: *во-первых*, определить сущность и нормативное назначение правовой определенности в механизме российского правового регулирования, в статике и динамике российского уголовно-процессуального права; *во-вторых*, уяснить ее основные элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность, роль и значение для обеспечения режима правовой определенности в сфере уголовно-процессуальных отношений, правовых состояний и актов; *в-третьих*, вскрыть реальные причины во многом коллизионного состояния российского уголовно-процессуального права в современный период, обосновать систему мер по оптимизации этого направления государственной деятельности, повышению ее исходного потенциала.

Изложенные в работе положения могут быть использованы в преподавании учебной дисциплины «Уголовный процесс» и иных дисциплин уголовно-правового цикла, в законодательной деятельности.

Обоснованный в диссертации вывод о том, что сущность и содержание категории «правовая определенность» не могут быть сведены исключительно к сущности и следствиям правила *res judicata* или к ясности и точности норм (предписаний), позволяет принципиально по-новому взглянуть на роль и значение иных элементов этой категории в правотворческом и правоприменительном процессе.

Достоверность результатов исследования обеспечена использованием научно обоснованной и апробированной методики анализа и обобщения репрезентативной выборки эмпирических данных, факторами географии их сбора и темпоральными характеристиками реализованного исследования. Верифицируемость основных положений и итоговых выводов исследования подтверждается их апробацией.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Основные теоретические положения, итоговые выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации, отражены в 4 монографиях, а так-

же в 42 научных статьях, в том числе в 26 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Всего по теме исследования опубликовано 46 научных работ.

Итоговые положения и рекомендации автора докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и межвузовских конференциях: «Эволюция государства и права: история и современность» (II Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2017), «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2017» (XIX Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017), «Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире» (Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017), «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности» (Междунар. науч.-практ. конф. Новороссийск, 2016), «Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 55-летию доктора юридических наук, профессора О.А. Зайцева. М., 2016), «Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 50-летию доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. М., 2016), «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2016), «Право, наука, образование: традиции и перспективы» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 85-летию образования Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2016.), «Проблемы эффективности права в современной России» (Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016), «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2016» (XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2016), «Современные проблемы уголовной политики» (VI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015), «Развитие права: актуальные проблемы и перспективы» (Всерос. науч.-практ. конф. Моздок, 2015), «Актуальные проблемы уго-

ловного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии» (Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014).

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс Кубанского государственного университета, Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Балтийского федерального университета им. И. Канта, а также в практическую деятельность Краснодарского краевого суда и Ставропольского краевого суда.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, шести глав, разбитых на 12 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, определяются предмет, цель и задачи исследования, раскрывают его методология и методы научно-практического анализа, его нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, показаны теоретическая и практическая значимость работы, обосновывается достоверность ее результатов, приводятся сведения об апробации и внедрении результатов исследования, его структуре.

В главе первой **«Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: теоретические и правовые основы»** показано, что в доктрине видовая принадлежность правовой определенности определяется по-разному: как элемент содержания более общей идеи верховенства закона (А.Г. Гаджиев, Т.Н. Нештаева и др.), как важнейший международный и конституционный принцип, как принцип общеправовой (В.И. Анишина, Т.Н. Назаренко, Я.М. Винокурова). Одновременно правовая определенность именуется универсальным критерием качества либо закона, либо права в целом (В.И. Анишина), но это отрицается исследователями, указывающими на принципиальные различия для права категорий «критерий» и «принцип» (И.М. Евлоев, А.П. Фоков).

Автор полагает, что правовая определенность проявляет себя в качестве самостоятельной, фундаментальной, универсальной идеи общеправового характера, взаимосвязь которой с идеей верховенства права вполне объяснима с позиций диалектики категорий «средство» и «цель». Назначение исследуемой категории – обеспечить состояние стабильности и безопасности функционирования личности, гражданского общества и правового государства через стабильность изначально определенного статуса участников правовых отношений, неколлизионность динамики указанных отношений, ясность и стабильность актов применения права.

В доктрине выделяются три основных подхода к пониманию нормативного содержания правовой определенности. Первые ученые, не воспринимая правовую определенность в качестве самостоятельного принципа российского права, либо отрицают за ней характер элемента содержания принципа «верховенство права» (М.В. Пресняков), либо признают его (А.Т. Боннер, О.Ю. Котова). Вторые характеризуют лишь отдельные элементы ее содержания (Г.А. Гаджиев, А.А. Зорин, Н.Н. Ковтун, С.В. Луцаев). Третьи полагают: *res judicata* есть единственное и исчерпывающее выражение идеи «правовая определенность» (Т.М. Алексеева, Ю.Ю. Берестнев, М.В. Виноградов, В.А. Давыдов, И.С. Дикарев).

Критический анализ приведенных позиций привел автора к выводу, что содержание принципа «правовая определенность» наиболее полно и целостно объективирует себя через: 1) потребность в стабильном правовом регулировании; 2) потребность в определенности динамики права; 3) сущность, содержание и нормативные следствия идеи *res judicata*.

Обращаясь к стабильности системы российского уголовно-процессуального права, проявляемой через критерии устойчивости и предсказуемости текущего нормативного регулирования, автор подвергает критике взгляды представителей доктрины, негативно характеризующих факт более чем многочисленных изменений, внесенных в текст УПК РФ с момента его принятия. *Во-первых*, количественные «показатели» не являются здесь определяющими. *Во-вторых*, большинство изменений были направлены именно на обеспечение определенности уголовно-процессуального права. *В-третьих*, для определенности права важна качественная сторона изменений, а не перманентные «волны» законодательного спама, инициируемые субъективной заинтересованностью конкретных субъектов. *В-четвертых*, предметом исследования является правовая определенность действующего уголовно-процессуального права России, а не его состояние в той или иной ретроспективе. УПК РФ, как и ранее, оставляет широкие возможности для критики, так как при буквальном применении первых его статей, где содержатся достаточно

двусмысленные предписания, коллизии правовых отношений и правовых состояний возрастает многократно.

Автор обосновывает вывод, что неопределенность закона не есть императив неопределенности права. Как следствие, предметом анализа должна стать именно коллизия, складывающаяся в результате неоднозначного изложения, понимания, субъективной интерпретации и применения тех или иных предписаний уголовно-процессуального права. Причем не принципиально то, как эта коллизия «создана»: а) «негативным» текстом закона, который отражается в нарабатываемых как закономерные коллизионных правовых отношениях и актах применения права, или б) негативным правосознанием и установками субъектов применения права и соответственно актами их проявления на практике при ясности, точности, стабильности правовых предписаний.

В работе анализируются примеры, когда правовая коллизия является следствием реального изъяна правовых предписаний, «дефекта» правосознания субъектов уголовно-процессуальных отношений либо вызвана кумулятивным эффектом их «наложения» друг на друга.

На взгляд автора, система российского уголовно-процессуального права в настоящее время находится в состоянии кризиса, о чем свидетельствует потребность в определенности его статичности и динамики. Причем к изъянам собственно предписаний закона «плюсуются» правосознание и нигилистические установки публичных субъектов применения права, когда ясная воля закона или его легальность в целом дискретно субъективно «преобразуется» в правовую реальность, не соответствующую ни букве и духу закона, ни потребности в праве как регуляторе. В итоге акты применения права служат лишь средством реализации «ведомственного» представления о сущем и должном в той или иной области общественных отношений; а реальное состояние государства и общества не может характеризоваться как состояние правовое, определенное.

Во второй главе «**Правовая определенность источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права**» дан анализ суж-

дений российской уголовно-процессуальной доктрины о системе и иерархии источников исследуемой отрасли права, практических коллизий, связанных с неопределенностью указанных системы и иерархии источников. Это позволило выявить следующую группу достаточно проблемных вопросов.

1. При определении системы форм выражения российского уголовно-процессуального права одни ученые считают принципиальным давать строгую иерархию ее источников (Н.Н. Ковтун, Ю.К. Якимович); другие предлагают их понимание в достаточно свободной, «повествовательной» форме (П.А. Лупинская, Н.С. Манова, Н.Г. Стойко, Л.В. Яковлева, И.Р. Харченко).

2. Включая в анализируемую систему общепризнанные принципы и нормы международного права и признавая их приоритетной частью этой системы, лишь отдельные авторы указывают, о каких именно принципах идет речь (А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, А.И. Баstryкин, А.А. Усачев). Обычно ни в теоретическом, ни в методическом плане не поясняется, какое «место» в иерархической вертикали отведено этой форме выражения права, с помощью какого метода решаются проблемы соотношения указанных принципов с предписаниями Конституции России. Не видится оправданным и включение в эту подгруппу Европейской конвенции и актов ЕСПЧ (П.А. Лупинская, Ю.К. Якимович).

3. Большинство авторов не разрешают проблему соотношения в данной системе норм Европейской конвенции и Конституции РФ. Суждение о том, что в случае противоречия норм Конвенции нормам уголовно-процессуального закона России применению подлежат нормы Конвенции (Ю.К. Якимович, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский), не отвечает, как минимум, на два принципиальных вопроса. Включает ли национальное законодательство России нормы Конституции, или ее нормы не могут быть отнесены к указанной группе? Если Конституция РФ не является доминантой в системе источников российского права и стоит над ней, каким образом ее нормы включаются в механизм национального правового регулирования?

4. Непонятно, какая форма выражения права призвана быть доминантой во внутренней системе источников российского уголовно-процессуального права. Эту роль отводят и межгосударственным договорам (А.В. Гриненко), и Конституции, и федеральным конституционным законам, что не добавляет определенности уголовно-процессуальному праву.

5. Не решен вопрос о конкуренции в правовом регулировании норм УПК РФ и иных федеральных законов, регламентирующих вопросы уголовно-процессуальных отношений. Для одних ученых (В.П. Божьев, П.А. Лупинская, Ю.К. Якимович) приоритет кодифицированного источника является безусловным. Другие принимают во внимание правовые позиции определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О, где принципиально иначе расставляются соответствующие акценты.

6. Коллизионной формой выражения этой отрасли права служат акты высшего органа конституционного правосудия. В науке их юридическая сущность определяется по-разному: а) они играют максимально значимую роль для уголовного судопроизводства России (В.И. Кононенко, П.А. Лупинская); б) недопустимо рассматривать эти акты в качестве источника российского права (В.П. Божьев, С.Б. Россинский); в) формой выражения права являются итоговые постановления Конституционного Суда, но не его определения (А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский); г) все акты Суда являются источниками права (Н.В. Илютченко, Н.Н. Ковтун, А.Д. Прошляков).

7. Отсутствует определенность в решении вопроса о том, можно ли считать источниками уголовно-процессуального права нормативные указы Президента РФ, постановления Государственной Думы РФ, Правительства РФ. Так, ряд исследователей считают необходимым включать их в данную систему (Н.В. Илютченко, Н.Н. Ковтун, В.И. Кононенко, А.Д. Прошляков, С.Б. Россинский).

8. По-разному определяются юридическая природа и роль в правовом регулировании «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и прецедентов высших судебных инстанций – эталонов применения права. Для

одних авторов это легитимная форма выражения уголовно-процессуального права (В.И. Кононенко); для других эти «новации» неприемлемы в принципе (Н.В. Илютченко, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, Н.С. Манова, А.Д. Прошляков, С.Б. Россинский).

В настоящее время в доктрине (В.П. Божьев, К.Ф. Гуценко, Г.М. Даниленко, В.Т. Томин) все более нивелируется роль в правовом регулировании общепризнанных принципов и норм международного права как формы выражения воли большинства государств. Например, Ю.К. Якимович и Т.В. Трубникова считают, что их перечень и суть каждого принципа как общепризнанного должны определяться Конституционным Судом РФ. Насколько Генеральная Ассамблея ООН и мировое сообщество согласятся с этим, не обсуждается.

В качестве негативного фактора автором оценены «новации» по установлению иерархии федеральных конституционных законов «по горизонтали». Так, по смыслу ст. 1 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» его нормативные положения не должны противоречить ни Конституции РФ, ни «базовому» ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». В итоге последний уже имеет приоритет перед первым как правовой акт, устанавливающий общие параметры судебной системы России. Между тем нет и не может быть конкуренции между нормативными правовыми актами одного вида, поскольку это разрушает основы определенности права.

Неопределенность такой формы выражения права, как международный договор межгосударственного характера, прежде всего, обусловлена посылками доктрины и правосознанием публичных субъектов применения права. Автор критически оценивает позиции ученых, которые считают, что нормы международного договора, имеющие приоритет перед внутренними законами РФ, автоматически приобретают статус конституционных норм и рассматриваются как неотъемлемая часть Конституции (И.И. Лукашук, С.В. Черниченко, О.И. Тиунов). Тем самым выделяются две автономные системы источников «равной» юридической силы: Конституция РФ и «конституционные»

нормы международного договора. При этом не ясен алгоритм устранения возможных коллизий при конкуренции их предписаний. Столь же критически оценивается точка зрения, по которой во внутригосударственной сфере международный договор обладает юридической силой, равной силе того нормативного акта, которым он ратифицирован (М.А. Пшеничников, В.А. Толстик). Автор обосновывает вывод о том, что иерархическое место этой формы выражения права установлено нормами ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и именно эта константа должна стать определяющей и в правосознании публичных субъектов применения права, и в его актах.

Нечетко определяется в доктрине и место в правовой системе УПК РФ, особенно в соотношении с нормами иных федеральных законов. В силу правовых позиций Конституционного Суда РФ (постановление от 29 июня 2004 г. № 13-П, определение от 8 ноября 2005 г. № 439-О) нормы УПК РФ не обладают безусловным приоритетом перед нормами иных федеральных законов. В случае их конкуренции правоприменители обязаны принять во внимание, с каким («общим» или «специальным») предметом правового регулирования связана реализация уголовно-процессуального отношения; нет ли здесь «последующего» федерального закона, нивелирующего предписание УПК РФ; не содержат ли нормы иного федерального закона дополнительных процессуальных гарантий, которые подлежат обеспечению. То есть иерархическая неопределенность правовых отношений и состояний «по вертикали» дополнена иерархическими новациями «по горизонтали», что не способствует определенности в исследуемой области.

Кроме того, анализ позволяет автору утверждать, что именно акты конституционного правосудия выступают доминантой во внутренней системе нормативных источников. Однако это не воспринимается в качестве императива ни доктриной, ни правосознанием субъектов правовых отношений.

Одним из средств преодоления выявленных проблем может стать принятие базового закона о нормативных правовых актах Российской Федерации, где будут установлены элементы исследуемой системы и их иерархия

в правовом регулировании, в том числе приоритет кодифицированных нормативных актов. Причем теоретическая и нормативная определенность этих моментов должна быть дополнена соответствующим правосознанием, установками и реальной ответственностью публичных субъектов права, в принципе не допускающих нивелирования воли закона и подмены его истинной сути субъективным усмотрением.

В третьей главе **«Акты конституционного правосудия как фактор определенности российского уголовно-процессуального права»** проведен анализ доктринальных подходов к юридической природе, сути, содержанию и роли в правовом регулировании актов Конституционного Суда РФ. Указана роль несогласующихся правовых позиций Суда в формировании режима определенности российского уголовно-процессуального права.

Анализ позволил выявить здесь следующие проблемы и коллизии:

- явная неопределенность правовой природы указанных актов, которые одновременно характеризуются и как нормативные правовые акты (акты правотворчества), и как судебные прецеденты, и как правовые констатации, и как решения преюдициального плана, и как правовые презумпции. Выказано и мнение о синергетическом объединении указанных свойств;

- неопределенность в решении вопроса о правовом значении не только итоговых постановлений Конституционного Суда РФ, выносимых при разрешении спора по существу, но и «отказных» его актов (определений), особенно тех, которые имеют «положительное содержание» и формируют новые нормы;

- нормативная, теоретическая и практическая неопределенность юридической силы и общеобязательности правовых позиций, изложенных в резолютивной и мотивировочной частях этих актов;

- неопределенность легитимного предмета конституционной проверки (предмета ведения Конституционного Суда РФ);

- неопределенность взаимоотношений Конституционного Суда РФ (через его правовые позиции и итоговые выводы) с законодательной властью и системой судов общей юрисдикции;

- неопределенность иерархического «места» актов конституционного правосудия в системе источников российского уголовно-процессуального права.

Существует также потребность в стратегическом единстве (определенности) правовых позиций Конституционного Суда РФ по одному и тому же предмету проверки.

Определяя «место» актов конституционного правосудия в системе источников российского права, автор критикует мнение тех авторов, которые считают, что эти акты следует воспринимать как «нормы живого конституционного права». *Во-первых*, налицо «личностная» специфика официального толкования конституционных норм и, как следствие, определенный субъективизм при объективации итоговых представлений (Г.А. Гаджиев). *Во-вторых*, понимание правовой позиции Конституционного Суда РФ как этапа познания конституционной нормы не оправдывает противоречий в его итоговых выводах по одному и тому же предмету (В.О. Елеонский). Напротив, правомерен вывод, что итоговая правовая позиция – это не сама конституционная норма, а субъективное понимание ее смысла. Выдавать субъективные смыслы познания за нормы Конституции, одновременно утверждая, что это «живое конституционное право», есть явное умаление Конституции РФ и разрушение правовой определенности в государстве и обществе. Не приемлемо и то, что в последние годы в качестве доводов Конституционный Суд РФ приводит факторы национальной безопасности, национального суверенитета и иные факторы идеолого-политического характера, объективно ставящие под сомнение независимость, беспристрастность и правовой характер актов конституционного правосудия.

Признавая за Конституционным Судом РФ право на формирование новых правовых предписаний, в том числе в целях устранения неопределенно-

сти уголовно-процессуального права, автор считает, что при этом обязательными для него являются принципы толкования: *Plain Meaning Rule* – суды не должны изменять суть закона под видом его толкования; *The Mischief Rule* – смысл интерпретации состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации; *The Golden Rule* – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности абсурдного решения. Однако ряд актов Суда в сфере российского уголовно-процессуального права вступают в противоречие с этими правилами.

В контексте *Plain Meaning Rule* автор критически оценивает достоверность правовых позиций Суда относительно: а) невозможности принятия решения о соединении уголовных дел в судебных стадиях процесса (определение от 21 декабря 2004 г. № 416-О и от 16 марта 2006 г. № 61-О); б) исключения из числа процессуальных издержек расходов на оплату услуг представителя по делам частного обвинения (определение от 2 июля 2013 г. № 1057-О); в) нераспространения гарантий, предусмотренных ч. 4 ст. 109 УПК РФ, на случаи продления срока содержания обвиняемого под стражей при возвращении судом дела прокурору (постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П).

Налицо в деятельности Суда и субъективные моменты в понимании сути *The Mischief Rule*. Так, вступают в противоречие правовые позиции относительно: а) принятия судом решения о прекращении производства в случае полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменения им обвинения в сторону смягчения (определение от 5 июля 2000 г. № 150-О, постановление от 8 декабря 2003 г. № 18-П); б) возможности использования для обоснования обвинительного приговора предположений и вероятностных выводов (определения от 17 декабря 2009 г. № 1640-О-О и от 21 октября 2008 г. № 566-О-О).

В решениях Суда имеются и нарушения сути принципов. Так, вызывает сомнение достоверность его правовых позиций, нарушающих суть *Golden Rule*, относительно: а) допустимости соединения в одно производство жало-

бы частного обвинения и встречной жалобы обвиняемого (определение от 27 мая 2010 г. № 777-О-О); б) возможности применения по приостановленному делу меры пресечения в виде подписки о невыезде и меры процессуального принуждения в виде временного отстранения обвиняемого от должности (определения от 19 октября 2010 г. № 1364-О-О и от 29 сентября 2011 г. № 1306-О-О).

В заключение обосновывается вывод о наличии объективной потребности в формировании легального механизма пересмотра, отмены или корректировки коллизионных правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В четвертой главе **«Европейская конвенция и акты ЕСПЧ как фактор определенности российского уголовно-процессуального права»** автор, определяя суть и значение в российском правовом регулировании и динамике права Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Протоколов к ней и соответственно актов ЕСПЧ, исходит из следующего:

– ратифицировав Европейскую конвенцию, Россия *ipso facto* признала ее юрисдикцию по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней обязательной;

– в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ положения Конвенции и толкующие их акты ЕСПЧ являются составной частью законодательства Российской Федерации и в случае конкуренции в правовом регулировании имеют приоритет (в целом) перед нормами ее внутреннего законодательства;

– правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в итоговых актах, как правило, не совпадают с тем восприятием прав, закрепленных в Конвенции, которое характерно для национального законодательства или его наработанной практики. Поэтому чтобы обеспечить реализацию правозащитного механизма Конвенции, необходимо системное уяснение правовых позиций ЕСПЧ о сущности и содержании прав, гарантируемых как Европейской конвенцией, так и актами Европейского Суда.

Формально указанные правила были восприняты ветвями государственной власти России, что косвенно нашло отражение в преамбулах феде-

ральных законов, актах конституционного правосудия, толковательных актах Верховного Суда РФ. Вместе с тем их реальной «имплементации» в нормативную ткань уголовно-процессуального права России и в правосознание субъектов уголовно-процессуальных отношений не произошло. Свидетельство тому – практически полное отсутствие ссылок на правовые позиции ЕСПЧ в итоговых актах судов общей юрисдикции и мизерное количество дел, пересмотренных в связи с констатацией ЕСПЧ нарушений норм и положений Конвенции российским правосудием. Более того, достаточно скоро российскому правоприменителю стало очевидно, что отдельные решения ЕСПЧ не совпадают с правовой позицией России по рассмотренным вопросам. Это особенно проявилось, когда акты ЕСПЧ обязывали государство к кардинальным изменениям отраслевого законодательства или правоприменительной практики. В качестве примера анализируются решения Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Молдовы и России» (жалоба № 48787/99), по делу «Кононов против Латвии» (жалоба № 36376/04).

В диссертации обсуждается правомерность вывода о том, что самой Конституции РФ «спорный» акт ЕСПЧ может и не противоречить. Проблема лишь в субъектах официального толкования их норм; в достоверности как процесса, так и итогов познания, предлагаемых государству и обществу в качестве «...живых конституционных норм». Обосновываются потребность в формировании легального и эффективного механизма проверки истинности актов конституционного правосудия (на предмет их реального соответствия Конституции); потребность в объективации действительно независимого и беспристрастного органа подобной проверки, оперирующего категориями права, а не идеологическими и политическими причинами.

Автор приходит к выводу, что обращения правоприменителей к актам ЕСПЧ если и имеют место, то лишь в тех ситуациях, когда сформулированные в них правовые позиции и итоговые выводы совпадают с официальной уголовной или уголовно-процессуальной политикой. Налицо все более формирующаяся закономерность – субъективная избирательность российских

правоприменителей при обращениях к актам ЕСПЧ, подмена их нормативно-го содержания субъективными смыслами, явное игнорирование требований Европейского Суда к Российской Федерации.

Исследованы правовые позиции Европейского Суда и вступающие с ними в противоречие решения Конституционного Суда РФ относительно: а) доверия к суду со стороны субъектов уголовно-процессуальных отношений (постановление ЕСПЧ по делу «Сандер против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г.; определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О); б) права на справедливое судебное разбирательство (постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан против Турции» от 12 мая 2005 г.; постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2010 г. № 6-П); в) сущности принципа состязательности процесса и процессуального равенства сторон при отправлении правосудия (постановление ЕСПЧ от 6 октября 2005 г. по делу «Драон против Франции»); определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О); г) права на предоставление средств эффективной судебной защиты от нового обвинения (постановление ЕСПЧ от 21 февраля 2002 г. по делу «Сипавичус против Литвы»; постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П).

Указанная двойственность деклараций и реальных шагов по имплементации положений Конвенции и актов ЕСПЧ в правовую систему России наблюдается и в актах Пленума Верховного Суда РФ, актах – прецедентах судов общей юрисдикции. Автор приводит примеры подобных противоречий: а) в вопросах о компетенции суда по принятию властных, обязывающих решений, которые не могут быть изменены несудебными органами (постановление ЕСПЧ от 25 февраля 1997 г. по делу «Финдли против Соединенного Королевства»); постановление Пленума ВС от 10 февраля 2009 г. № 1); б) в вопросах о критериях законного и обоснованного решения суда о применении к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу (постановления ЕСПЧ по делу «Царенко против России» от 3 марта 2011 г., по делу «Сулягин против России» от 3 мая 2011 г., по делу «Ананьев и другие

против России» от 10 января 2012 г.; постановление Пленума ВС от 19 декабря 2005 г. № 23).

По делу «Девеер против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. Европейский Суд резюмировал, что в подлинно демократическом обществе право на правосудие представляет такую социально-нормативную ценность, что оно не может считаться утраченным по той причине, что заинтересованное лицо оказалось стороной в соглашении, носящем согласительный характер. По делу «Белилос против Швейцарии» от 29 апреля 1988 г. ЕСПЧ констатировал: при оценке конвенционного права на доступ к суду и справедливому разбирательству следует принять во внимание позиции ЕСПЧ, согласно которым чтобы орган был признан «судом» в смысле ст. 6 Европейской конвенции, в его компетенцию должно входить рассмотрение вопросов как права, так и факта. Тем не менее российский законодатель и судебная практика исходят из того, что подсудимый, приговор в отношении которого был постановлен в порядке гл. 40 или 40.1 УПК РФ, не вправе обжаловать приговор в части, касающейся фактической стороны дела. Соответственно суды апелляционной инстанции однозначно отказывают в подобной проверке, в том числе при фактическом отказе подсудимого от ранее заключенного соглашения.

По делу «Ваньян против России» от 15 декабря 2005 г. Европейским Судом дана отрицательная оценка оперативно-розыскной провокации как одного из основных методов работы российских правоохранительных органов по делам о незаконном сбыте (обороте) наркотических средств. Тем не менее, как свидетельствуют данные официальной статистики, ни судебная власть не нашла оснований для пересмотра (тысяч) аналогичных приговоров и дел, ни сотрудники оперативных аппаратов не смогли отказаться от столь удобной практики. В итоге мы имеем очередную структурную проблему российского правоприменения, что вновь констатировано в «коллективном» постановлении ЕСПЧ «Веселов и другие против России» от 2 октября 2012 г.

В пятой главе **«Судебное толкование как фактор правовой определенности российского уголовно-процессуального права»** автор, обраща-

ясь к итогам известной дискуссии о введении в нормативную ткань российского права судебного прецедента, исходит из следующих положений:

– потребность в актах «нормативного» судебного толкования и судебных прецедентах – эталонах применения права объективно вызвана пробелами, неясностью или возможностью различных вариантов применения нормы; сложностью или нечеткостью юридических формулировок; несовпадением норм, наличием бланкетных и отсылочных норм, нетипичных правовых предписаний и другими дефектами права;

– потребность в оперативном разрешении спора вынуждает суд обращаться к официальному судебному толкованию или к судебным прецедентам высших судебных инстанций в случае явной коллизии права, так как иное препятствует выполнению им конституционной функции отправления правосудия, эффективной реализации института судебной защиты;

– деятельность по толкованию норм права, в результате которой создается новая норма либо расширяется содержание существующей, не лежит в плоскости субъективных амбиций суда, претендующего на властное правотворчество. Для высших судебных инстанций эта деятельность вынужденная, необходимая, которую нельзя рассматривать ни как игнорирование конституционного принципа разделения властей, ни как субъективные притязания суда на максимальное расширение своих полномочий (С.М. Даровских);

– исходя из положений Конституции РФ все ветви власти вправе издавать правовые акты. Это легитимный способ не только проявления, но и эффективного отправления их властных и востребованных обществом полномочий, форма реализации власти. Поэтому при выявлении пробелов или несогласованности норм, несоответствия их Конституции РФ судебная власть не только вправе, но и обязана предпринимать необходимые меры для разрешения возникшей коллизии и отправления правосудия.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ обладают сущностными признаками нормативных правовых актов: носят общий характер; обязательны для неопределенного круга лиц; рассчитаны на неоднократное применение;

действуют независимо от того, возникло или нет конкретное правоотношение. Акты правосудия как индивидуальные правоприменительные акты объективно выступают формообразующим средством правовой политики, инструментом, используемым для достижения стратегических целей и задач нормативного регулирования. Отсюда в наличии в целом достаточный теоретический и нормативный базис для официального признания нормативной природы как «нормативных» постановлений Пленума, так и прецедентов высших судебных инстанций России – не только *de lege ferenda*, но и *de lege lata* источников российского уголовно-процессуального права.

Практика обязана принять во внимание уточняющие акценты российской доктрины, согласно которым: 1) источником нормативного судебного прецедента могут выступать акты только высшей судебной инстанции; 2) при функционировании Верховного Суда РФ в составе Президиума и судебных коллегий его прецеденты не могут обладать равной юридической силой; 3) в целях равной защиты прав и свобод, реализации принципов законности и правовой определенности органом, обеспечивающим единство судебного прецедента, должен быть признан Президиум Верховного Суда РФ.

Подробно проанализированы те разъяснения Пленума, которыми созданы нормы, либо явно диссонирующие с легальным нормативным регулированием, либо явно противоречащие ранее высказанным Пленумом позициям. Приведены примеры подобных противоречий при разрешении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности, если предыдущий приговор в отношении него на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу (постановления Пленума от 27 июня 2013 г. № 19, от 27 июня 2013 г. № 21); о характере действий и решений суда в ситуации, когда в ходе судебного разбирательства дела в порядке гл. 40 УПК РФ выясняются обстоятельства, препятствующие этому (постановления Пленума от 22 декабря 2009 г. № 28, от 5 декабря 2006 г. № 60).

В п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 приведено новое основание «правомерного» изъятия залога –

противодействие обвиняемому процессу расследования. И хотя это разъяснение-норма противоречит букве закона (ч. 1 ст. 106 УПК РФ), судебная практика следует именно разъяснениям Пленума.

В отличие от воли закона, согласно которому предметом проверки и оценки суда в кассационном и надзорном порядке выступают исключительно свойства законности окончательных актов суда, Пленум в постановлении от 28 января 2014 г. № 2 легализовал проверку фактической стороны приговора, а равно его справедливости. В итоге, как констатирует большинство ученых, в судах кассационной и надзорной инстанции Российской Федерации сформирована устойчивая практика по проверке приговора в полном объеме.

Не согласуются позиции Пленума и Конституционного Суда РФ по одному и тому же предмету. Автор приводит конкретные примеры этого: а) при рассмотрении возможности заочного разбирательства уголовного дела в отношении подсудимого, находящегося в Российской Федерации и уклоняющегося от явки в суд (определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 10002-О, постановление Пленума ВС от 22 декабря 2009 г. № 28); б) при определении правовых подходов к доказательственному значению фактических данных, изложенных в заявлении о явке с повинной, когда эти сведения были получены в отсутствие защитника, а лицо, явившееся с повинной, в дальнейшем отказалось от своих заявлений (определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 391-О, постановление Пленума ВС от 11 января 2007 г. № 2); в) при рассмотрении возможности прекратить производство по делу при установлении оснований, предусмотренных ч. 8 ст. 302 УПК РФ (определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 510-О, постановление Пленума ВС от 27 июня 2013 г. № 19).

Нет определенности и в «однородных» судебных прецедентах. К примеру, в рамках уголовного дела следователь с согласия руководителя обращается в суд с ходатайством о разрешении на получение сведений об абонентской активности неопределенного круга абонентов сети. Практике предложены следующие виды прецедентов (эталонов):

суд в удовлетворении ходатайства отказал на том основании, что получение указанных сведений может нарушить конституционные права абонентов, а по закону это недопустимо (определения Московского городского суда от 31 октября 2012 г. по делу № 22-14798; от 22 октября 2012 г. по делу № 22-14128/12);

суд удовлетворил ходатайство, так как эта информация имеет значение для дела и установления лица, совершившего особо тяжкое преступление (апелляционное определение Московского городского суда от 20 марта 2013 г. по делу № 10-974).

При складывающихся тенденциях право не отвечает основным своим свойствам: ясности, точности, стабильности и предсказуемости, обеспечения конституционных требований равенства и единства к аналогичным правовым ситуациям. Правовая определенность формируется не волей закона или единством судебной практики, а ведомственным усмотрением заинтересованных органов и должностных лиц в соответствии с их пониманием права. В связи с этим автор полагает, что именно Президиум Верховного Суда РФ должен быть органом, обеспечивающим и контролирующим единство судебной практики (судебного прецедента) при решении проблем, по которым системно объективируются несогласующиеся позиции и акты судов нижестоящей инстанции. Должен быть сформирован и механизм реализации идеи единства судебного прецедента, стабильности судебной практики и обеспечении тем самым правовой определенности в государстве и обществе.

В шестой главе **«Res judicata окончательных актов суда как содержательный элемент идеи правовой определенности»** показано, что категория *«res judicata»* связана с пониманием и характеристикой окончательных актов суда в уголовном судопроизводстве России. Логическая основа этой идеи в двух максимах: *«Interest reipublicae ut sit finis litium»* (в общественных интересах, чтобы судебный процесс имел окончание) и *«Nemo debet bis vexari prouna et eadem causa»* (никто не должен предстать перед судом дважды по одному и тому же делу). Отсюда идея *res judicata* заключается в том, что окончательно разрешенное дело не может быть пересмотрено в отсутствие

существенных к тому оснований. По указанным векторам и проводилась реформа кассационного и надзорного производства России (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ), выразившаяся в новациях от 29 декабря 2010 г. (Закон № 433-ФЗ).

Классическая европейская кассация в России аналога не получила. В рамках кассационно-надзорной проверок принцип правовой определенности явно коллидирует с конституционным принципом обеспечения права заинтересованных лиц на судебную защиту своих нарушенных интересов и прав. Первый, акцентируясь в правиле и следствиях идеи *res judicata*, призван обеспечить стабильность окончательных актов суда, установленных им правовых состояний и отношений. Второй, выражаясь в праве граждан на судебную защиту, закреплен в качестве конституционного права (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), которое не может быть ограничено ни при каких условиях.

Исходную ценность в связи с этим приобретает суждение о том, что в стадии кассационного и надзорного производства противоречие между принципом *res judicata* и конституционным принципом обеспечения права на судебную защиту становится диалектическим и находит разрешение в согласованной процедуре пересмотра вступивших в законную силу решений (И.С. Дикарев). Лишь при балансе гарантий *res judicata* и реализации права на судебную защиту в рамках указанных производств, с одной стороны, сохраняется антиномичность данных принципов, с другой – обнаруживается их функциональное единство, способность к одновременной реализации в ходе согласованной и функциональной процедуры проверки. Основа системы этих гарантий: *во-первых*, строго ограниченный предмет кассационной и надзорной проверки; *во-вторых*, исключительные основания к преодолению сути и следствий *res judicata*.

Обращаясь к анализу предмета проверки суда в рамках названных производств, автор критически оценивает позиции ученых, которые выступают за восстановление полного предмета проверки (Т.Г. Бородинова, Ю.В. Кувалдина), так как только последний обеспечивает правосудность окончательных актов суда, идею законности, охрану интересов и прав заинтересованных лиц.

Солидаризируясь с позицией Н.Н. Ковтуна, автор полагает, что для проверки законности окончательных актов суда суд кассационной (надзорной) инстанции обязан сформировать собственное суждение о правильности установления фактических обстоятельств дела. Средством формирования этого убеждения являются его самостоятельные познание и правовая интерпретация названных обстоятельств. Результат познания есть убежденность суда в надлежащей / ошибочной фактической оценке познанного явления нижестоящим судом и о правильном / неправильном применении к нему закона. Как следствие, результатом проверки могут стать такие выводы:

– фактические обстоятельства дела / деяния нижестоящим судом установлены правильно, к ним правильно применен надлежащий материальный закон. Соответственно оснований для отмены / изменения проверяемого акта нет; в наличии акт *res judicata*;

– фактические обстоятельства судом нижестоящей инстанции установлены правильно, но он неправильно применил материальный закон. А значит, есть основание к отмене (изменению) проверяемого акта. В рамках предмета экстраординарной проверки (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ) и при определенных условиях это дает основание к опровержению *res judicata*;

- суд нижестоящей инстанции неправильно установил фактические обстоятельства дела и соответственно неправильно применил материальный закон. По факту налицо основание – несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 389.16 УПК). Но это основание в принципе не может быть применено в суде кассационной / надзорной инстанции. Вместе с тем нельзя игнорировать и суть выявленного нарушения, особенно если оно искажает смысл правосудия, суть итоговых актов суда. Как отмечается в литературе, «...вынесение правоприменительного решения в отсутствие или без учета юридически значимых фактических обстоятельств, признаваемых законом основаниями такого решения, – это и есть не что иное, как существенное нарушение (неправильное применение) закона» (И.С. Дикарев). В данной ситуации в наличии и легальное основание

для опровержения *res judicata*, и следование воле закона – осуществление проверки исключительно в пределах закона.

На основе материалов практики автор обосновывает вывод, что акты этой формы проверки одновременно отражают и правомерность проверки фактической стороны постановленных актов суда, и категорическое отрицание правомерности подобных усилий. Указанная двойственность позволяет суду использовать эту форму проверки и для реализации сугубо публичных задач обеспечения единой законности, и в качестве легитимного средства «отсева» жалоб, относящихся лишь к переоценке фактической стороны дела и приговора. Автор не согласен с декларируемой целесообразностью указанной практики, так как она не согласуется с определенностью предмета, целей и задач анализируемой формы проверки как формы экстраординарной. Обращение к фактической стороне проверяемых актов суда, характеризующихся как *res judicata*, оправданно лишь на уровне мыслительно-логической деятельности суда кассационной (надзорной) инстанции. И они же в силу закона не должны служить основанием (обоснованием) итоговых актов этой формы проверки, так как иначе исследуемая форма объективируется в виде ординарной формы исправления судебных ошибок, «дублируя» апелляцию.

Среди ключевых элементов исследуемой системы гарантий – пресекательные сроки пересмотра вступивших в законную силу актов суда (ст. 401.6, п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ). В нормативную конструкцию этой гарантии изначально закладывался баланс конституционного принципа судебной защиты и идеи *res judicata*. Пересмотр окончательного акта суда если и допускался, то лишь в течение года с момента вступления решения в законную силу. Однако Пленум Верховного Суда РФ и законодатель в интересах доминирующей в правосознании и идеологии идеи законности, «уточнили» правила понимания и исчисления указанных сроков. Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ признана утратившей силу. Сегодня сторона защиты не ограничена пресекательным сроком обжалования окончательных актов суда и инициации экстраординарной отмены (измене-

ния) приговора, вступившего в законную силу. По мнению автора, это в принципе не отвечает ни сути исследуемого баланса, ни декларируемой сущности *res judicata*.

В систему баланса гарантий входит процедура предварительного изучения жалобы уполномоченным судьей (п. 1 ч. 2 ст. 401.8, п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ), чье назначение – установление оснований для рассмотрения жалобы по существу в суде кассационной / надзорной инстанции. Акты *res judicata* не могут пересматриваться в силу одного обращения заинтересованных лиц, для этого необходимо установление таких процедур и условий пересмотра, которые отвечали бы требованиям правовой определенности. Отсюда основания вынесения решений по итогам предварительного изучения жалобы (п. 6 ч. 1 ст. 401.11, п. 6 ч. 1 ст. 412.8 УПК РФ) должны быть тождественны основаниям кассационной отмены (изменения) окончательных актов суда. Соответственно при правильной постановке процесса предварительного изучения жалобы и должном правосознании судей, его осуществляющих, установленных законом гарантий достаточно и для инициации судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц, и для обеспечения незыблемости *res judicata*. Между тем на практике все более прослеживается тенденция, когда дело и жалоба ставятся на проверку по существу при инициативном установлении любого из нарушений закона, в том числе при фактической необоснованности проверяемого акта суда.

К гарантиям баланса принципов *res judicata* и обеспечения судебной защиты относится правомочие Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя не согласиться с постановлением судьи об отказе в передаче жалобы на рассмотрение в суд кассационной / надзорной инстанции и вынести решение о рассмотрении его судом вышестоящей инстанции (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ). Это правомочие может быть реализовано лишь при соответствующем обращении лица, выступавшего инициатором подачи жалобы (постановление Конституционного Суда от 5 февраля 2007 г. № 2-П). Тем не менее статистика дает основание для вывода, что в Верховном Суде сложи-

лась стойкая практика отмены незаконных постановлений судей об отказе в передаче кассационных и надзорных жалоб для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда и передачи в связи с этим жалоб, представлений на рассмотрение другому судье (И.С. Дикарев, В.А. Давыдов).

В том же ряду стоят предложения о наделении данными процессуальными полномочиями (ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ) председателей верховного суда республики (краевого, областного суда...) и их заместителей. Однако подобные предложения лишены материальной основы. *Во-первых*, это неосновательно расширит круг лиц, инициирующих процесс экстраординарной кассационной проверки, нивелирует суть принципа *res judicata*; *во-вторых*, приведет к искусственному доминированию не столько института обеспечения судебной защиты, сколько сугубо публичного стремления к установлению официальной законности в известном ее понимании.

В контексте обеспечения баланса *res judicata* и принципа обеспечения судебной защиты проанализирован запрет на внесение повторных или новых кассационных жалоб по тем же или иным основаниям, теми же или иными кассаторами в тот же суд кассационной инстанции при условии, что ранее эти жалоба, представление уже рассматривались этим судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи (ст. 401.17 УПК РФ). С одной стороны, в этой гарантии заложено соблюдение принципа *res judicata*, согласно которому исключена возможность перманентных проверок окончательного акта суда в одной и той же судебной инстанции при наличии: 1) акта судьи об отказе в передаче этого дела и акта на рассмотрение по существу (п. 1 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ); 2) итогового акта суда кассационной инстанции, констатировавшего незыблемость акта *res judicata* по итогам разбирательства по существу. С другой стороны, содержание этой нормы не препятствует тому, чтобы жалоба и дело были еще раз проверены в суде вышестоящей кассационной инстанции, что есть весомая гарантия конституционного принципа судебной защиты.

Однако практика и здесь модифицировала волю закона и общий контекст реализуемой экстраординарной проверки. Наиболее точно суть этих модификаций отразил В.А. Давыдов, полагающий, что повторные кассационные жалобы подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей соответствующего суда. Причем по итогам изучения жалобы у судьи может сложиться совершенно иное мнение относительно правосудности проверяемых актов. Не препятствует инициации кассационного пересмотра по существу в указанном случае и наличие «отказного» постановления иного судьи, в силу чего нет потребности и в его процессуальной отмене. Новые же жалобы подлежат рассмотрению по общим правилам, как это имело место до 1 января 2013 г. (Закон № 433-ФЗ) в надзорном производстве. Иначе говоря, в процессуальной форме кассационной проверки вновь доминирует идея публичной законности и публичной правосудности приговора.

Гарантией *res judicata* призваны быть основания отмены / изменения окончательных актов суда по итогам проверки. Впервые законодатель, восприняв акты ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, дифференцирует указанные основания на существенные и фундаментальные. Первые закреплены в ст. 401.15 УПК РФ, вторые – в ст. 401.6 УПК РФ; первые есть существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела; вторые – нарушения, которые не только повлияли на исход дела, но и исказили саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Назначение этой дифференциации принципиально, так как первые раскрывают критерии для отмены / изменения состоявшихся актов суда в интересах стороны защиты; вторые – критерии возможного *reformatio in peius* в положении осужденного, оправданного. В силу сказанного гарантии *reformatio in peius* должны быть несравненно весомей, чем первые. Однако в реальности судьи при обосновании итоговых актов обычно обращаются к нормам ст. 389.17 УПК РФ. И это проблема не столько дефектов закона, сколько векторов правосознания и установок конкретного состава суда, в принципе не считающего необходимым дополнительно обосновывать критерии существенности или фундаменталь-

ности, которые оговорены законом и единственно содержат основания преодоления *res judicata*.

Гарантией *res judicata* следует считать и норму закона, согласно которой при равенстве голосов судей, участвовавших в рассмотрении жалобы по существу и голосовании (ч. 9 ст. 401.13, ч. 8 ст. 412.10, ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ), окончательный акт суда признается не подлежащим отмене. Ряд ученых-процессуалистов видит в этом и нарушение баланса правовой определенности и права на судебную защиту, и игнорирование презумпции невиновности обвиняемого (В.А. Давыдов, И.С. Дикарев). Соответственно они считают, что эта норма нуждается в изменении, «подсчет» голосов должен осуществляться в пользу осужденного. Однако в таких предложениях доминируют идея законности и полное отрицание ценности *res judicata*. Не принимается во внимание и то, что существенные или фундаментальные основания надзорно-кассационной отмены окончательных актов суда не отражаются в ходе проверки столь убедительно, чтобы сформировать у судей как достаточную убежденность в неправосудности проверяемых актов суда, так и потребность в их возврате на еще одно разбирательство по существу.

В итоге анализа автор обосновывает, что в антиномии идеи *res judicata* и конституционной идеи максимальной судебной защиты доминирующей в правосознании судей и в процедурах и результатах данной формы проверки оказалась последняя. Указанное доминирование выражается в стремлении обеспечить состояние единой законности, при которой любое из нарушений закона признается неприемлемым. Как следствие, законодательно ограниченный предмет экстраординарной кассационно-надзорной проверки и оценки акта суда фактически нивелирован и доктриной, и усилиями кассационно-надзорных инстанций по всесторонней проверке и оценке как фактической, так и юридической стороны проверяемых актов. Соответственно реально обеспечено лишь состояние публичной определенности права, которое всемерно поддерживается и одобряется властью и системой судебных органов.

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы выводы и рекомендации, отражающие его основные результаты, намечены перспективы дальнейшей разработки темы.

В **приложении** приводятся проект федерального закона по изменению и дополнению норм УПК РФ (в контексте обеспечения правовой определенности кассационно-надзорной формы проверки) и материалы эмпирической базы исследования.

Основные научные положения диссертации

опубликованы в следующих работах:

Монографии

1. Сидоренко, М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы): моногр. / М.В. Сидоренко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 408 с. – 25,5 п. л.
2. Сидоренко, М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (понятие, сущность и содержание): моногр. / М.В. Сидоренко. – М.: ИП Деткова С.А., 2016. – 80 с. – 4,3 п. л.
3. Сидоренко, М.В. Акты конституционного правосудия как фактор определенности российского уголовно-процессуального права: моногр. / М.В. Сидоренко. – М.: ИП Вахитов А.В., 2016. – 56 с. – 3,8 п. л.
4. Сидоренко, М.В. Правовая определенность источников российского уголовно-процессуального права: моногр. / М.В. Сидоренко. – М.: ИП Вахитов А.В., 2015. – 52 с. – 3,5 п. л.

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования

5. Сидоренко, М.В. Коллизии источников российского уголовно-процессуального права в контексте определенности их иерархии / М.В. Сидоренко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 101-106. – 0,55 п.л. (**Web of Science (ESCI)**).

**Статьи, опубликованные в ведущих
рецензируемых журналах и изданиях,
указанных в перечне ВАК**

6. Сидоренко, М.В. Возмещение вреда в системе института реабилитации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / М.В. Сидоренко // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Право. – 2017. – № 24. – С. 112-118. – 0,35 п. л.

7. Сидоренко М.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в интерпретациях и актах публичных органов российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Юридическое образование и наука. – 2017. – № 8. – С. 17-22. – 0,4 п.л.

8. Сидоренко, М.В. Подзаконные нормативные правовые акты в контексте определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Мировой судья. – 2017. – № 7. – С. 31-35. – 0,35 п. л.

9. Сидоренко, М.В. Правовая определенность правовых позиций Европейского Суда по правам человека для системы российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. – 2017 – № 5. – С. 3-5. – 0,4 п. л.

10. Сидоренко, М.В. Коллизии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов / М.В. Сидоренко // Общество и право. – 2017. – № 2. – С. 166-170. – 0,4 п. л.

11. Сидоренко, М.В. Коллизии процессуальной формы доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / М.В. Сидоренко // Рос. следователь. – 2017. – № 2. – С. 16-19. – 0,35 п. л.

12. Сидоренко, М.В. К дискуссии о содержательных элементах категории «правовая определенность» в российском праве (часть 1) / М.В. Сидоренко // Вестн. Краснодарского ун-та МВД России. – 2017. – № 2. – С. 171-174. – 0,4 п. л.

13. Сидоренко, М.В. Правовая определенность статичности и динамики российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 5. – С. 323-329. – 0,4 п. л.

14. Сидоренко, М.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 88-93. – 0,4 п. л.

15. Сидоренко, М.В. Правовые коллизии норм, регламентирующих отдельные виды дознания в уголовно-процессуальном законодательстве / М.В. Сидоренко // Вестн. экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 160-163. – 0,3 п. л.

16. Сидоренко, М.В. О правовой определенности статуса лиц, в отношении которых фактически реализуется уголовное преследование / М.В. Сидоренко // Рос. следователь. – 2016. – № 5. – С. 23-25. – 0,3 п. л.

17. Сидоренко, М.В. Коллизии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов // Юрид. наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3. – С. 113-117. – 0,5 п. л.

18. Сидоренко, М.В. Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение / М.В. Сидоренко // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Право. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 45-51. – 0,4 п. л.

19. Сидоренко, М.В. Предмет экстраординарной кассационной проверки как отражение свойства *res judicata* / М.В. Сидоренко // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. Право. – 2016. – № 3. – С. 18-23. – 0,3 п. л.

20. Сидоренко, М.В. Правовая определенность через призму законодательных ошибок уголовно-процессуального права России / М.В. Сидоренко // Рос. следователь. – 2016. – № 4. – С. 36-38. – 0,35 п. л.

21. Сидоренко, М.В. Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 2)

/ М.В. Сидоренко // Общество и право. – 2016. – № 3. – С. 128–132. – 0,4 п. л.

22. Сидоренко, М.В. Судебный прецедент как средство обеспеченности определенности уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Право. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 93–98. – 0,4 п. л.

23. Сидоренко, М.В. Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 1) / М.В. Сидоренко // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 244-249. – 0,5 п. л.

24. Сидоренко, М.В. Свойство *res judicata* как отражение правовой определенности окончательных актов суда / М.В. Сидоренко // Вестн. Краснодарского ун-та МВД России. – 2016. – № 1. – С. 74-76. – 0,3 п. л.

25. Сидоренко, М.В. Рассмотрение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации с позиций *res judicata* кассационной проверки / М.В. Сидоренко // Общество и право. – 2016. – № 1. – С. 211-214. – 0,3 п. л.

26. Сидоренко, М.В. Конституционное правосудие в контексте сути и содержания фундаментальной идеи определенности права / М.В. Сидоренко // Пробелы в рос. законодательстве. – 2015. – № 6. – С. 150-153. – 0,4 п. л.

27. Сидоренко, М.В. Конкретизация закона посредством актов конституционного правосудия как средство преодоления неопределенности уголовно-процессуального права России / М.В. Сидоренко // Бизнес в законе. – 2015. – № 5. – С. 39-41. – 0,3 п. л.

28. Сидоренко, М.В. Правовая определенность как предмет правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда России / М.В. Сидоренко // Пробелы в рос. законодательстве. – 2015. – № 5. – С. 152-154. – 0,3 п. л.

29. Сидоренко, М.В. О системе источников российского уголовно-процессуального права и их иерархии в контексте идеи определенности права / М.В. Сидоренко // Общество и право. – 2015. – № 4. – С. 213-217. – 0,35 п. л.

30. Сидоренко, М.В. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации как средство обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Вестн. Краснодарского ун-та МВД России. – 2015. – № 4. – С. 160–163. – 0,3 п. л.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях

31. Сидоренко, М.В. Правило «The mischief rule» в деятельности и актах российского конституционного правосудия / М.В. Сидоренко // Юрид. вестн. Кубанского гос. ун-та. – 2017. – Спец. вып. – С. 64-67. – 0,4 п. л.

32. Сидоренко, М.В. Судебный прецедент как фактор правовой определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Эволюция государства и права: история и современность: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2017. – С. 449-452. – 0,25 п. л.

33. Сидоренко, М.В. Правовые позиции актов конституционного правосудия в доктрине российского права / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2017: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: Цицеро, 2017. – Ч. 2. – С. 167-171. – 0,3 п. л.

34. Сидоренко, М.В. Правило «The Golden Rule» как фактор определенности актов конституционного правосудия в уголовном судопроизводстве России / М.В. Сидоренко // Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. – Краснодар: Северо-Кавказский филиал РГУП, 2017. – С. 205-212. – 0,4 п. л.

35. Сидоренко, М.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно порядка возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Издательский дом-Юг, 2017. – С. 221-225. – 0,3 п. л.

36. Сидоренко, М.В. Правовая определенность «судебного» толкования права как средство обеспечения оптимального уголовного судопроизводства

России / М.В. Сидоренко // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию доктора юридических наук, профессора О.А. Зайцева. – М.: МАЭП, 2016. – С. 264-273. – 0,6 п. л.

37. Сидоренко, М.В. К вопросу о правовой определенности системы уголовно-процессуального права в Российской Федерации / М.В. Сидоренко // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. – М.; МГИМО МИД России; МАЭП, 2016. – С. 63-69. – 0,3 п. л.

38. Сидоренко, М.В. Правовые коллизии в судебном производстве по уголовному делу / М.В. Сидоренко // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (20–21 октября 2016 г.). – Орел: Орловский юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016. – С. 332-336. – 0,25 п. л.

39. Сидоренко, М.В. К вопросу о правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации в контексте определенности системы уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию образования Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) – Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2016. – С. 387-388. – 0,2 п. л.

40. Сидоренко, М.В. О понятии и содержании категории «правовая определенность» в российском праве / М.В. Сидоренко // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 186-194. – 0,4 п. л.

41. Сидоренко, М.В. Система гарантий стабильности и исполнимости окончательных актов суда в контексте реализации контрольно-проверочных

производств в российском уголовном процессе / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2016: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Челябинск: Цицеро, 2016. – Ч. 2. – С. 288–291. – 0,25 п. л.

42. Сидоренко, М.В. О правовой определенности некоторых источников уголовно-процессуального права Российской Федерации / М.В. Сидоренко // Вестн. Коми республиканской академии государственной службы и управления. Сер. Государство и право. – 2015. – № 20. – С. 48–50. – 0,4 п. л.

43. Сидоренко, М.В. К вопросу о неопределенности права в деятельности Конституционного Суда РФ и его итоговых результатах / М.В. Сидоренко // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (25 сентября 2015 г.): в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. – Т. 1. – С. 210-213. – 0,2 п. л.

44. Сидоренко, М.В. О необходимости введения в нормативное содержание российского уголовно-процессуального права судебного прецедента / М.В. Сидоренко // Развитие права: актуальные проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Моздок: Моздокский филиал Московской академии экономики и права, 2015. – С. 224-227. – 0,15 п. л.

45. Сидоренко, М.В. К вопросу о правовой неопределенности системы источников российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: МАЭП, 2014. – С. 42-45. – 0,25 п. л.

46. Сидоренко, М.В. О роли и назначении решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в системе источников российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: МАЭП, 2014. – С. 45-48. – 0,25 п. л.

Сидоренко Мария Васильевна

**ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать 07 июля 2017.
Формат 60×84/16. Печать трафаретная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. 2,3 п. л.
Тираж 150 экз. Заказ № __

Тираж изготовлен с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5.
Тел. 239-68-31